

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

С 1934 по 1953 год в состав Роговского района входили отдельными сельсоветами станица Ново-Джерелиевская и хутор Поды, поэтому немало их документов (метрические книги за 1920-е годы, список гражданских жертв, акты ущерба от немецко-фашистских захватчиков и др.) хранятся ныне в Тимашевском районном архиве.

Немецкая оккупация северных районов Кубани имела свои особенности, о которых говорить открыто у нас долго не решались. Здесь немцы разрешили создать казачий округ самоуправления, как это было в Ростовской области и с «Локотской республикой» под Брянском. В округ входил ряд районов. В Роговском районе на общем сходе, организованном оккупантами, бургомистром был выбран Прокопец Давид Евдокимович, бывший учитель русского языка и литературы, оставленный НКВД на подпольную работу. Атаманом района выбрали 71-летнего Мамай Филиппа Несторовича. Начальником полиции немцы назначили Заяц Ферапонта Леонтьевича, который был обижен на советскую власть из-за рассказывания, а два его старших брата ушли с белоказаками в Болгарию. Начальником жандармерии стал Федина Василий Фёдорович, дезертировавший с Красной армии в августе 1942-го. А за общим порядком присматривал немецкий сельхозкомендант Цимлер. Колхозы были переименованы в общины, а их председателей стали называть «шефами». В станицах и хуторах потребовали избрать старост.

До войны в Роговском районе была лишь одна школа-десятилетка. В оккупацию работали больница, некоторые магазины, а также - до Нового 1943 года - школы. Вспоминают, что уроки начинались с молитв, а кто не знал их, получал плетей от проверяющих полицейских.

Новоджерелиевская 10-классница Нина Емельяновна Шаповалова, 1926г.р., вспоминала, что в их классе было около 30 учеников. Классы становились на линейку, читали «Отче наш» и все повторяли, а сзади ходили учителя и били линейкой тех, кто не повторял молитвы. После уроков она ходила то домой, то на постой в семью Бутовец Филиппа Филипповича. До оккупации он работал в Роговской зам.председателя райпотребсоюза, был в числе лиц, ответственных за закладку партизанских тайников, и в ночь с 4 на 5 августа 1942 года ушёл с партизанами Роговского района на подготовленные базы в районе Волчьей гребли и Шпиля, или Кобылячьей Головы, как ещё называют тот удалённый в плавнях полуостров при слиянии Кирпилей с Таранцовой балкой. Партизаном был и отец Нины, Шаповалов Емельян Петрович, председатель колхоза имени Ворошилова.

Но партизанить здесь по ряду объективных и субъективных причин не удалось. Партизан было с полсотни, а местных полицейских в районе набралось 75 человек и они

держали семьи партизан в заложниках, водили их матерей и жён вдоль плавней, чтобы те кричали, призывали сдаться. Кто-то из полицейских был кровно обижен на советскую власть за рассказывание, раскулачивание или репрессии 1937 года и служил оккупантам яро, а кого-то этот актив вынудил служить избиениями или обещанием сдать в концлагерь.

Плавни – это не брянские леса, к тому же ряд роговских партизан в целях соблюдения конспирации казнили несколько групп (десятка полтора-два душ) эвакуированных женщин и детей, живших на дальних фермах колхозов «Большевик» и «Новая жизнь». Были расстрелы по обвинению в предательстве и в самом отряде. Народ испугался, шарахнулся от партизан, и в середине сентября руководство отряда приняло решение распусться: одни перешли линию фронта, другие погибли, а третьи сдались полиции.

10-11 февраля 43-го с немцами ушли не только все полицейские, но и какое-то количество непричастных, поддавшихся на призывы оккупантов. И в сельсоветских книгах так и записали: «Ушел с немцами», а всё их имущество было конфисковано. В мае 43-го руководство Роговского района – секретаря райкома Радченко Василия Андреевича, председателя райисполкома Крупеню Никифора Александровича и начальника райотдела НКВД Чинцова - за такое партизанство сняли с постов. В конце 46-го получили «вышку» в Краснодаре Прокопец, Заяц и Федина, а Мамай умер чуть раньше в лагерях. В 1947-м были осуждены за казни женщин и детей бывшие партизаны Николайчук Трифон Васильевич и Рубан Федор Леонтьевич.

У Брюховецкого партизанского отряда «Шустрый» судьба иная. Перед самой оккупацией ему разрешили отойти в горы, но 8 августа он попал под бомбёжку, и погибшие партизаны значатся в 9-м томе краевой Книги Памяти. Роговчанка Нина Григорьевна Кривец (Шульга) вспоминает: «Тимошенко Андрей был председателем Брюховецкого РИКа и уходил с обозом партизан вместе с женой, - моей тётей Анастасией Фёдоровной. Под Славянской они попали под бомбёжку, часть партизан погибла, тётю ранило, и её подобрали люди, а потом передали нам записку. Её забрали в Роговскую, тут лечили, а их сын Андрей, 1926г.р., ушёл с Красной армией и погиб под Краснодаром». А на военной карте одного офицера базирование Брюховецкого «батальона» обозначено южнее станиц Ильская и Холмская, чуть западнее Дербентской.

После гибели от полицейских комиссара отряда Шуткина Ивана Корнеевича, Бутовец от преследования смог уйти с товарищем, Леонтием Алексеевичем Цыганковым, уроженцем станицы Брюховецкой. Сунулись к родственникам в Брюховецкую, но там уже побывали роговские полицейские, и Бутовец с Цыганковым ушли под Ейск, где дождались прихода Красной армии, шли освобождать родные станицы проводниками, а потом ушли воевать добровольцами до полной победы над фашизмом.

Семьи партизан полицейскими третировались. Вот и семью Бутовца полиция постоянно контролировала, подселяла на постой немцев: одни из них были зверьми, а

другие вели себя вполне лояльно. Дольше всех на постое оказался лейтенант Реми, молодой офицер сельхозкомендатуры, сносно говоривший по-русски. Вёл он себя в семье Бутовца вежливо, играл с детьми в снежки и шахматы. Однажды один из них нечаянно заехал палкой под глаз Реми, но тот не стал его наказывать. Эти доросшие до дедушек дети потом рассказывали мне, что Нина ему нравилась, и он пытался с ней заигрывать: «Нина, со мной, Германия», - а она отмахивалась от него ботинком и отвечала: «Пошел к черту, я в твою Германию сама приду с Красной армией».

Не известно, что случилось потом с Реми, а вот слова Нины оказались пророческими. После освобождения наших станиц она стала ухаживать за ранеными в госпитале, размещившемся в новоджерелиевской школе №32. Потом им предложили поехать с госпиталем дальше. Это был эвакогоспиталь для легкораненых при действующей армии п/п 42655, и от линии фронта он должен был располагаться недалеко, в 10-20 километрах.

Нина Емельяновна рассказывала, что с Джерелиевки их привезли в апреле машинами на станцию Роговскую, потом через Брюховецкую - в Ростов, и далее госпиталь двигался вслед за фронтом через Киев, Житомир. Во Львове ей удалось сфотографироваться и выслать на память фотокарточки брату и семье Бутовец. Далее – Будапешт, Германия. Она вначале работала няней, потом её подучили, и она работала лаборанткой. Как обычно – сдавали для раненых кровь. Войну закончила в германском городе Дембах. Девчатам хотелось побыстрее сменить гимнастерки и форменные юбки на более привлекательную одежду, и Нина через 5 дней после Победы сфотографировалась в модном гражданском платье. Там она встретила новоджерелиевца Ивана Антоновича Зыкова, 1923г.р., которого немцы заставили угонять с собой лошадой. Иван потом служил в Красной армии, был ранен. Служба в Германии продолжилась для Нины в городе Бунцлау, лаборанткой всё того же госпиталя, а в 46-м их возили даже в Берлин, и она расписалась на Рейхстаге. Вскоре вернулась домой. В декабре 2007 года Нины Емельяновны Мороз не стало, а нам остались на память воспоминания и её фронтовые фотографии.

